

УДК 342.24
DOI 10.21685/2307-9525-2020-8-1-8

В. В. Гошуляк, Е. В. Портнова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОЦЕНКАХ И ВЫВОДАХ ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОМИССИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу заключения Европейской комиссии «За демократию через право», принятого 17 марта 2003 г. по проекту Конституции Чеченской Республики, выносимому на общенародный референдум. Данное заключение не потеряло своей актуальности и сегодня, поскольку в нем поднимаются некоторые теоретические вопросы, касающиеся федеративного устройства государств.

В статье делается вывод о том, что в Заключении Венецианской комиссии по проекту Конституции Чеченской Республики прослеживаются некоторые стороны модели федерализма, выработанной Комиссией. В ней присутствуют следующие ее черты: отсутствие суверенитета у субъектов федерации; необходимость в учредительных актах подчеркивать особенности и самобытность субъекта федерации, наличие титульной нации; возможность договорной практики разграничения полномочий между федеральным центром и субъектами федерации (дифференцированная форма федерализма); наличие у субъектов федерации права устанавливать свои государственные языки (государственный язык); право субъектов федерации воспроизводить в своих учредительных актах положения федеральной Конституции о правах и свободах человека и гражданина с установлением их допустимых ограничений и гарантий; необходимость соблюдения принципа разделения властей при самостоятельном формировании субъектами федерации собственных органов государственной власти и закреплении их полномочий.

Ключевые слова: Венецианская комиссия, Конституция Чеченской Республики, федерализм, титульная нация, разграничение полномочий, права и свободы.

V. V. Goshulyak, E. V. Portnova

Penza State University, Penza, the Russian Federation

THE DRAFT CONSTITUTION OF THE CHECHEN REPUBLIC IN THE ASSESSMENTS AND CONCLUSIONS OF THE VENICE COMMISSION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the conclusion of the European Commission "For Democracy through Law" on March 17, 2003, adopted on the draft Constitution of the Chechen Republic, submitted to a national referendum. This conclusion has not lost its relevance today, since it raises a number of theoretical questions concerning the federal structure of states.

The article concludes that the conclusion of the Venice Commission on the draft Constitution of the Chechen Republic traces some aspects of the model of federalism developed by the Commission. It contains the following features: the lack of sovereignty of the federation; the need for the constituent acts to emphasize the characteristics and identity of the federation, the existence of the titular nation; the possibility of contractual practice of the separation of powers between the federal centre and subjects of federation (the differentiated form of federalism); the presence of subjects of federation the right to establish their own state languages (the state language): the right of the federation to play in their constituent acts of the provisions of the federal Constitution on the rights and freedoms of man and citizen with the establishment of their acceptable limitations and warranties; compliance with the principle of separation of powers with independent formation of the federation's own organs of state power and consolidating their powers.

Key words: Venice Commission, Constitution of the Chechen Republic, federalism, titular nation, division of powers, rights and freedoms.

Европейская комиссия «За демократию через право» (так называемая Венецианская комиссия) оказывает правовую помощь и содействие государствам. 17 марта 2003 г. Венецианская комиссия на 54-ом пленарном заседании одобрила заключение по проекту Конституции Чеченской Республики¹, который выносился на всенародный референдум. Данное заключение актуально и в наши дни, так как в нем поднимаются важные теоретические вопросы о федеративном устройстве государства.

В Заключении Венецианской комиссии обращается особое внимание на то, что в ч. 1 ст. 1 проекта Конституции Чеченской Республики содержится термин «суверенитет республики», хотя он ранее был признан федеральным Конституционным Судом противоречащим Основному закону РФ. Республики не могут являться суверенными субъектами международного права, даже не смотря на то, что Конституция РФ называет их государствами. В этой связи следует согласиться с В.Е. Чиркиным в отрицании теории несуверенного государства. Он писал: «Учитывая первоначальное значение концепции суверенитета, сформулированной именно для того, чтобы подчеркнуть верховенство и неограниченность государственной власти, утверждение о несуверенном государстве вряд ли возможно» [1, с. 9]. В свою очередь, поддерживая эту идею, И. В. Лексин уточнил, что «полным набором признаков, составляющих обладание государственным суверенитетом... характеризуются субъекты лишь одного типа – основные (первичные) субъекты международного права – независимые государства» [2, с. 166]. Профессор Н. А. Михалева, высказываясь относительно республик, считает правильным исключение по отношению к ним понятия «суверенитет», так как современная конституционная модель федерализма не предполагает наличие делегированного суверенитета [3, с. 1310]. Б. С. Крылов и С. В. Нарутто аргументировали отсутствие республиканского суверенитета действием принципа государственного единства РФ [4, с. 60; 5, с. 105].

Отметим, что законодатель учел рекомендацию Венецианской комиссии относительно суверенитета республик, итогом явилась следующая формулировка ч. 1 ст. 1 Конституции Чечни: «Чеченская Республика есть демократическое правовое государство в составе Российской Федерации»².

Подвергая тщательному правовому анализу текст проекта Конституции, Венецианская комиссия обратила внимание на то, что это стереотипная конституция, применимая к каждому субъекту РФ. Однако Чеченская Республика – это тот особый субъект РФ, где очень часто случаются конфликты на той или иной почве, а ч. 4 ст. 35 Конституции недостаточно четко и явно подчеркивает самобытность этого российского региона. В ней указывается, что «общепризнанные традиции и обычаи народов Чеченской Республики – уважение к старшему, женщине, людям различных религиозных убеждений, гостеприимство, милосердие – священны, охраняются Конституцией Чеченской Республики и законами Республики»³.

Кроме того, Венецианской комиссией было отмечено, что текст проекта Конституции Чеченской Республики не содержит упоминания о титульной нации, которая идентифицировалась бы с республикой. Преамбула начинается со слов: «Мы многонациональный народ Чеченской Республики». Однако приведенная формулировка, хотя и не отождествляет чеченский народ с одноименной Республикой, но

¹ Проект Конституции Чеченской Республики // Демократия. Ру : сайт Института Развития Избирательных Систем. — URL: https://www.democracy.ru/library/laws/region/chechen/chechen_const_draft/ (дата обращения: 10.01.2020).

² Конституция Чеченской Республики (принята 23 марта 2003 г.) // ГАРАНТ.РУ (Garant.ru) : сайт Конституции Российской Федерации. — URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_chech/ (дата обращения: 10.01.2020).

³ URL: https://www.democracy.ru/library/laws/region/chechen/chechen_const_draft/ (дата обращения: 10.01.2020).

вместе с тем имеет место быть не только в связи с тем, что подобная фраза фигурирует в преамбуле федеральной Конституции, но и потому, что подразумевает то, что в республике не могут быть установлены никакие основы, порождающие дискриминацию на национальной почве. И. А. Умнова в таком подходе подтверждает полное соответствие нормам и принципам международного права, а именно коллективному праву народов на самоопределение [6, с. 105]. В. В. Смирнова в этой связи указывает на то, что «государственность субъекта Федерации есть форма не исключительно этноса, давшего название республике или автономному образованию, а всего полиэтнического населения, живущего на данной территории» [7, с. 782].

В доктрине права по вопросу о титульной нации высказываются и другие точки зрения, согласно которым употребление данного термина на уровне республиканской конституции может служить лишним поводом для разжигания экстремистами межнациональной розни [8, с. 72; 9, с. 33]. Если стать на эту позицию, то формулировка о «многонациональном народе» сторонников данной точки зрения должна удовлетворить, хотя можно поддержать и аргументы Венецианской комиссии.

В представленном на обсуждение тексте проекта Конституции Чеченской Республики содержалось словосочетание «гражданин Чеченской Республики», что вступало в противоречие с федеральным законодательством. Действующая редакция Конституции Чечни содержит слова «граждане», «гражданин» без указания государства. Отметим, что в данной ситуации наилучшим вариантом, с точки зрения права, было бы использование в тексте Конституции Чеченской республики фразы ««граждане Российской Федерации, проживающие на территории Чеченской Республики»».

Венецианской комиссией на примере рассматриваемого проекта Конституции Чечни были сформулированы некоторые предложения, касающиеся разграничения полномочий и предметов ведения между органами государственной власти различных уровней – федерального и регионального. Суть данных предложений сводится к тому, что простое копирование ст. 72 федеральной Конституции (устанавливает предметы совместного ведения Федерации и ее субъектов) имеет больше номинальное значение, чем реальное. Отметим, что мы ранее высказывались по данной проблеме в одной из работ, где обращалось внимание на то, что итогом подобного копирования в региональных конституциях (уставах) норм Конституции РФ является излишне громоздкая система законодательства всего государства [10, с. 110]. Безусловно, приведенный вывод Венецианской комиссии следует поддержать.

Проанализировав предметы исключительного ведения, Венецианская комиссия констатировала, что ст. 73 федеральной Конституции, умалчивая о конкретных предметах ведения субъектов РФ, передала последним так называемые «остаточные» полномочия и юрисдикцию. Сказанное означает, что полномочия Чечни (перечислены в ст. 61 проекта Конституции Чеченской Республики) нельзя рассматривать как исчерпывающие. Однако данная статья Конституции не содержит указание на иные полномочия. Напротив, из нее убрали перечень предметов исключительного ведения Чеченской Республики. В ней установлено, что «Чеченская Республика, вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, обладает всей полнотой государственной власти на своей территории и осуществляет эти полномочия на основе Конституции Чеченской Республики, законов Чеченской Республики и иных нормативных правовых актов Чеченской Республики»⁴.

⁴ Конституция Чеченской Республики. — URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_chech/ (дата обращения: 10.01.2020).

Вместе с тем такая редакция рассматриваемой статьи Конституции Чеченской Республики подлежит критике по ряду причин. Во-первых, Чеченская Республика отказалась использовать предоставленное ей право определять предметы исключительного ведения и собственные полномочия по ним. Во-вторых, содержащаяся в тексте ссылка на Конституцию Чеченской Республики теряет свое значение, поскольку сама Конституция эти предметы не называет. В-третьих, республиканские предметы исключительного ведения должны быть перечислены на конституционном уровне, а не на законодательном.

Как справедливо отмечается в научной литературе, в социально-экономической сфере к предметам ведения субъекта РФ можно отнести вопросы бюджета, финансовых средств и собственности субъекта РФ, региональные программы социально-экономического развития и др. В сферах духовной и культурной жизни к ведению субъекта РФ относится обеспечение сохранения и развития культуры, духовного наследия, а также решение специфические для региона задач [11, с. 20].

Далее Венецианская комиссия назвала положительным моментом возможность заключения договоров между Чеченской Республикой и Российской Федерацией, в которых конкретизировались бы конституционные установления. Это право прямо предусматривается в ч. 3 ст. 11 Конституции РФ, в соответствии с которой разделение полномочий и предметов ведения между органами государственной власти различных уровней осуществляется Конституцией РФ, Федеративным и другими договорами о разграничении предметов ведения и полномочий. Конкретизируя данное конституционное положение, ст. 58 Конституции Чеченской Республики предоставляет возможность заключения подобных соглашений и договоров. В заключении Венецианской комиссии говорится о том, что этот подход регионального законодателя «обеспечивает открытость в направлении дифференцированной формы федерализма, которая является привлекательной в конфликтных ситуациях»⁵.

Из проведенного анализа видно, что Венецианская комиссия, по сути, вводит в научный оборот термин «дифференцированная форма федерализма». Данное понятие следует трактовать, как право субъектов федерации инициативно заключать договоры и соглашения с Федерацией. С одной стороны, заключение таких договоров и соглашений будет придавать известную асимметрию федеративным отношениям, а с другой – сглаживать возможные конфликтные ситуации и сводить к минимуму напряженность во взаимоотношениях субъекта федерации с федеральным центром. Таким образом, дифференцированный федерализм означает асимметрию в федеративных отношениях при равном конституционно-правовом статусе субъектов федерации.

Однако договорную форму разграничения предметов ведения и полномочий вряд ли можно распространить на юридическую природу Российской Федерации как федеративного государства. А. А. Степанова по этому поводу пишет: «Договорная идея имела значение при подписании Федеративного договора от 31 марта 1992 г. Разумеется, договор не стал правовой базой для образования государства... Принятие Конституции РФ в 1993 г. и дальнейшее развитие российской государственности показали, что в России преобладающей стала идея конституционной федерации» [12, с. 21]. Договор, являясь важным юридическим документом, положившим начало обновлению федеративных отношений в современной России, не учредил Россию как федеративное государство.

Статья 10 проекта Конституции Чеченской Республики, согласно которой государственными языками признаются русский и чеченский языки, также анализируется в заключении Венецианской комиссии. Одновременно с этим русский

⁵ Заключение Венецианской комиссии о Конституции Чечни // Чеченская библиотека Романа Пашкова : сайт. — URL: <https://chechenlaw.ru/?p=605> (дата обращения: 10.01.2020).

язык объявляется языком официального делопроизводства и межнационального общения. При рассмотрении приведенного конституционного положения Комиссия брала за основу тот факт, что в многонациональном социуме употребление иных языков, помимо основного – весьма щекотливый вопрос, и в проекте республиканской Конституции он не до конца разрешен, так как чеченскому языку не предоставлен равный статус с русским языком.

Однако, на наш взгляд, официальное объявление русского языка в республиканских конституциях в качестве государственного языка республики бессмысленно, поскольку ст. 68 федеральной Конституции провозглашает государственным языком на всей территории РФ русский язык. Этой же статьей (ч. 2 ст. 68 Конституции РФ) республикам предоставлено право устанавливать собственные государственные языки, которые в органах государственной власти будут употребляться наравне с русским. Именно указанным конституционным установлениям противоречили нормы проекта республиканской Конституции, посвященные государственным языкам. Заметим, что законодатель Чеченской Республики учел мнение Венецианской комиссии и изъял из текста своей Конституции положения, умаляющие значение чеченского языка как государственного языка Республики, наравне с русским языком.

В любой правовой системе одним из центральных вопросов правового регулирования является определение положения человека в обществе и государстве через его права, свободы, обязанности, ответственность, а также через ограничение прав и свобод. Базовое правовое регулирование в этой сфере общественных отношений осуществляется конституцией государства [13].

Некоторые замечания Венецианской комиссии были посвящены институту основных прав и свобод человека и гражданина. Например, в ст. 3 проекта Конституции Чечни устанавливалось, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Чеченская Республика констатировала особую правовую и политическую ценность прав и свобод человека и гражданина путем включения в собственную Конституцию положений федеральной Конституции, посвященных правам и свободам человека и гражданина. Указанными положениями анализируемая статья обусловила включение в текст Конституции Чеченской Республики всего каталога основных прав и свобод, которые содержатся в гл. 2 Конституции Российской Федерации. По данному вопросу Комиссия сделала вывод о том, что подобный подход регионального законодателя с юридической точки зрения лишен большого значения. Кроме того, это может быть связано с определенными сложностями в случае внесения поправок в федеральную Конституцию. Вместе с тем такого рода подход не наносит существенного вреда, так как его можно воспринимать в качестве символической констатации обязательств республики в сфере основных прав и свобод человека и гражданина. Добавим, что почти все республиканские конституции построены по этому же принципу относительно прав и свобод, а законодатель Чеченской Республики лишь использовал сложившийся в российской правовой практике подход.

Если говорить об отдельных правах и свободах человека и гражданина, то несложно заметить, что рассматриваемый проект Конституции Чеченской Республики дублирует также «слабые» стороны Конституции РФ. Например, в ст. 20, 25, 27 и 28 проекта республиканской Конституции, провозглашающих право на неприкосновенность частной жизни, свободу совести и вероисповедания, право на объединение, право на митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, нет указания на допустимые ограничения данных прав и свобод.

В этой связи стоит обратить внимание на то, ч. 3 ст. 52 проекта Конституции Чеченской Республики все же устанавливает общее положение о том, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя Российской Федерации, нравственности, здоровья, прав и законных

интересов других лиц, обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации»⁶. Однако приведенная статья в точности копирует норму федеральной Конституции и не имеет никакого отношения к республиканскому законодательству.

Отметим, что в тексте действующей Конституции Чеченской Республики вышеприведенные замечания Венецианской комиссии учтены не были.

Нельзя не сказать о том, что некоторые замечания Венецианской комиссии по проекту Конституции Чеченской Республики выглядят весьма спорными. Например, согласно мнению Венецианской Комиссии, в ст. 19 и ст. 45 проекта республиканской Конституции, закрепляющих, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению; что каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения, необходимо установить положение о выяснении причин задержания. Однако, на наш взгляд, такое детальное урегулирование на уровне республиканской Конституции представляется излишним. Это связано с тем, что конституция любой страны не является простым «сводом законов», а играет роль основного закона государства, а причины задержания и ареста должны получить свое регулирование в текущем законодательстве [14, с. 155].

Другие замечания Венецианской комиссии относительно прав и свобод человека и гражданина вполне разумны. Например, ст. 17 проекта Конституции Чеченской Республики, провозглашающая право на жизнь, по сравнению с текстом Конституции РФ, дополнена фразой: «Никто не может быть произвольно лишен жизни». Данное дополнение, во-первых, ограничивает защиту этого естественного права каждого, а во-вторых, может быть интерпретировано как «разрешение смертной казни и даже предупредительных убийств»⁷. Несмотря на это, в тексте республиканской Конституции приведенная формулировка проекта оставлена без изменений.

В ст. 43 проекта Конституции Чеченской Республики, которая дублирует положения ст. 46 Конституции РФ, исключена ее часть 3, в соответствии с которой «каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты»⁸. Однако в тексте Конституции Чеченской Республики указанное положение, которое, безусловно, существенно усиливает защиту прав и свобод человека и гражданина, также отсутствует.

В ст. 53 проекта республиканской Конституции, посвященной вопросам чрезвычайного положения, не перечислены те права и свободы человека и гражданина, которые согласно федеральной Конституции (ч. 3 ст. 56), ограничению не подлежат. К сожалению, текст действующей Конституции Чеченской Республики также не содержит указания на эти права и свободы.

По нашему мнению, при дублировании в республиканских конституциях норм гл. 2 федеральной Конституции об основных правах и свободах региональный законодатель должен это делать без изъятий. К тому же, согласно ст. 71 Конституции РФ, регулирование прав и свобод относится к вопросам исключительного ведения Федерации, а в совместном ведении (ст. 72 Конституции РФ) находится только

⁶ Проект Конституции Чеченской Республики. — URL: https://www.democracy.ru/library/laws/region/chechen/chechen_const_draft/ (дата обращения: 10.01.2020).

⁷ Заключение Венецианской комиссии о Конституции Чечни. — URL: <https://chechenlaw.ru/?p=605> (дата обращения 10.01.2020).

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Правовой Сервер КонсультантПлюс, www.consultant.ru. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.01.2020).

защита прав и свобод. Однако отсутствие в тексте республиканской Конституции отдельных положений Конституции РФ о правах и свободах не может толковаться как умаление ряда прав и свобод или ослабление их защиты, так как Конституция РФ наделена высшей юридической силой и действует на всей территории России.

Некоторые замечания Венецианской комиссии касаются органов государственной власти Чеченской Республики, которые республика в соответствии со ст. 11 и ст. 77 Конституции РФ образует самостоятельно.

Венецианская комиссия обратила особое внимание на установление избыточных полномочий Президента Чеченской Республики, которые не могут являться эффективным средством для объединения всего гражданского общества и различных оппозиционных политических сил в целях совместного решения задач, стоящих перед республикой. Например, согласно ст. 70 проекта республиканской Конституции, Президент назначает половину членов Центральной избирательной комиссии республики, представляет парламенту кандидатуры в состав Конституционного суда республики, в то время как данные органы должны быть самостоятельными и беспристрастными.

Венецианской комиссией также было обращено внимание на установленную ст. 85 проекта Конституции возможность Президента «издавать указы для заполнения пробелов в законе», которые вместе с его полномочием распускать республиканский представительный орган по определенным в конституции основаниям значительно увеличивают его возможности. Президенту также предоставлялось право отменять нормативно-правовые и иные акты исполнительных органов власти, однако указанное полномочие должно быть у суда.

Анализируемые положения проекта Конституции Чеченской Республики, вошедшие в неизменном виде в республиканскую Конституцию, по мнению Венецианской комиссии, создают проблему в отношении разделения властей с существенным перевесом в пользу главы исполнительной власти.

Справедливости ради стоит заметить, что ни одно из приведенных положений проекта Конституции Чеченской Республики не противоречит федеральному законодательству и вполне согласуется с действующей в Российской Федерации системой разделения властей. Ни одна страна мира не может похвастаться существованием принципа разделения властей в так называемом «чистом виде». В системе разделения властей самыми главными ее компонентами являются само разделение власти, равновеликость ветвей власти и наличие системы сдержек и противовесов между ними. Очевидно, что данные составляющие в законодательстве разных стран реализуются по-разному. Следовательно, в мире существуют различные модели разделения власти, и российская модель в этом плане не является исключением [15, с. 227].

Относительно республиканского Парламента Венецианская комиссия обратила внимание на достаточно слабые его полномочия. Это связано с двухпалатным республиканским парламентом – Советом Республики и Народным Собранием. Двухпалатные парламенты в субъектах федерации не имеют веских причин для своего образования и угрожают дальнейшим ослаблением обеих палат по отношению к Президенту республики. Отметим, что данное замечание Комиссии было учтено в тексте действующей Конституции Чеченской Республики: согласно ч. 2 ст. 78 Конституции Парламент Чеченской Республики является однопалатным.

Таким образом, в Заключении Венецианской комиссии по проекту Конституции Чеченской Республики прослеживаются некоторые стороны модели федерализма, выработанной Комиссией. В ней присутствуют следующие ее черты: отсутствие суверенитета у субъектов федерации; необходимость в учредительных актах подчеркивать особенности и самобытность субъекта федерации, наличие титульной нации; отсутствие у субъектов федерации собственного гражданства; разграничение предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти и необходимость в этой связи закрепления в

учредительном акте предметов ведения субъекта федерации; возможность договорной практики разграничения полномочий между федеральным центром и субъектами федерации (дифференцированная форма федерализма); наличие у субъектов федерации права устанавливать свои государственные языки (государственный язык); право субъектов федерации воспроизводить в своих учредительных актах положения федеральной конституции о правах и свободах человека и гражданина с установлением их допустимых ограничений и гарантий; необходимость соблюдения принципа разделения властей при самостоятельном формировании субъектами федерации собственных органов государственной власти и закреплении их полномочий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чиркин В. Е. Государственная власть субъекта федерации / В. Е. Чиркин // Государство и право. — 2000. — № 10. — С. 5–12.
2. Лексин И. В. Территориальное устройство России: конституционно-правовые проблемы / Лексин И. В. — Москва : ЛЕНАНД, 2014. — 432 с.
3. Михалева Н. А. Конституция 1993 г. – юридическая модель настоящего и будущего России / Н. А. Михалева // *Lex russica*. — 2013. — № 12. — С. 1307–1317.
4. Нарутто С. В. Единство и многообразие российского федерализма / С. В. Нарутто // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 9. — С. 56–67.
5. Проблемы суверенитета в Российской Федерации / Л. В. Андриченко, И. П. Ильинский, Б. С. Крылов [и др.]. — Москва : Республика, 1994. — 175 с.
6. Конституционные основы современного российского федерализма / И. А. Умнова; науч. ред. Г. А. Гаджиев. — Москва : Дело, 1998. — 280 с.
7. Смирнова В. В. Правовые и организационные проблемы реализации принципа равноправия субъектов Российской Федерации / В. В. Смирнова // Административное и муниципальное право. — 2015. — № 8. — С. 780–791.
8. Виноградов Т. П. Некоторые проблемы российского федерализма и возможные способы их решения / Т. П. Виноградов // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 10. — С. 69–72.
9. Современный федерализм: сравнительный анализ / В. Е. Чиркин. — Москва : ИНИОН РАН, 1995. — 72 с.
10. Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционного и уставного законодательства субъектов Российской Федерации / В. В. Гошуляк. — Москва : Янус-К, 2000. — 334 с.
11. Кистринова О. В. Договорный аспект разграничения полномочий в Российской Федерации: история и современность / О. В. Кистринова, А. Я. Чертков // Журнал российского права. — 2014. — № 8. — С. 16–24.
12. Степанова А. А. Еще раз о федеративном устройстве России / А. А. Степанова // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 7. — С. 20–24.
13. Подмарев А. А. Сравнительный анализ конституционного регулирования ограничения прав и свобод человека и гражданина в правовых системах и семьях / А. А. Подмарев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2014. — № 1. — С. 135–143.
14. Венецианская комиссия: сто шагов к демократии через право: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. И. Лафитского. — Москва : Статут, 2014. — 256 с.
15. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире: монография / Т. Я. Хабриева. — Москва : Наука РАН, 2016. — 320 с.

REFERENCES

1. Chirkin V. E. State Power of the Subject of the Federation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2000, no. 10, pp. 5-12 (in Russian).
2. Leksin I. V. *Territorial'noe ustroistvo Rossii: konstitutsionno-pravovye* [Territorial Structure of Russia: Constitutional and Legal Problems]. Moscow, LENAND Publ., 2014, 432 p.

3. Mikhaleva N. A. The Constitution 1993 Is the Legal Model of the Present and Future of Russia. *Lex Russica*, 2013, no. 12, pp. 1307-1317 (in Russian).

4. Narutto S. V. The Unity and Diversity of Russian Federalism. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of the Russian Law*, 2017, no. 9, pp. 56-67 (in Russian).

5. Andrichenko L. V., Il'inskii I. P., Krylov B. S. and others. *Problemy suvereniteta v Rossiiskoi Federatsii* [Problems of Sovereignty in the Russian Federation]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 175 p.

6. Umnova I. A.; Gadzhiev G. A. (ed.) *Konstitutsionnye osnovy sovremennogo rossiiskogo federalizma* [Constitutional Foundations of Modern Russian Federalism]. Moscow, Delo Publ., 1998, 280 p.

7. Smirnova V. V. Legal and Organizational Problems of the Implementation of the Principle of Equality of the Subjects of the Russian Federation. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and Municipal Law*, 2015, no. 8, pp. 780-791 (in Russian).

8. Vinogradov T. P. Certain Problems of the Russian Federalism and Possible Means of Solution Thereof. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2014, no. 10, pp. 69-72 (in Russian).

9. Chirkin V. E. *Sovremennyi federalizm: sravnitel'nyi analiz* [The Modern Federalism: Comparative Analysis]. Moscow, INION RAN Publ., 1995, 72 p.

10. Goshuliak V. V. *Teoretiko-pravovye problemy konstitutsionnogo i ustavnogo zakonodatel'stva sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Theoretical and Legal Problems of Constitutional and Statutory Legislation of Regions of the Russian Federation]. Moscow, Ianus-K Publ., 2000, 334 p.

11. Kistrinova O. V., Chertkov A. Ia. Contractual Aspect of Division of Jurisdictions in the Russian Federation: History and Present. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2014, no. 8, pp. 16-24 (in Russian).

12. Stepanova A. A. Revisited Federal Structure of Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2015, no. 7, pp. 20-24 (in Russian).

13. Podmarev A.A Comparative Analysis of the Constitutional Regulation of the Restraints of Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Legal Systems and Families. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Iuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2014, no. 1, pp. 135-143 (in Russian).

14. Khabrieva T. Ia., Lafitskii V. I. (ed.) *Venetsianskaia komissia: sto shagov k demokratii cherez pravo: monografiia* [Venice Commission: One Hundred Steps towards Democracy through Law: Monograph.] Moscow, Statut Publ., 2014, 256 p.

15. Khabrieva T. Ia. *Konstitutsionnaia reforma v sovremennom mire: monografiia* [Constitutional Reform in the Modern World: Monograph]. Moscow, Nauka RAN Publ., 2016, 320 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гошуляк Виталий Владимирович — директор юридического института Пензенского государственного университета, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация, e-mail: vvgoshulyak@rambler.ru.

Портнова Елена Витальевна — доцент кафедры частного и публичного права юридического института Пензенского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация, e-mail: elena_v_portnova@rambler.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Goshulyak Vitaliy V. — Director, Institute of Law, Penza State University, Doctor of Law, Doctor of History, Professor, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation, e-mail: vvgoshulyak@rambler.ru.

Portnova Elena V. — Associate Professor, Department of Private and Public Law, Institute of Law, Penza State University, Candidate of Law, Associate Professor, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation, e-mail: elena_v_portnova@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гошуляк В. В. Проект Конституции Чеченской Республики в оценках и выводах Венецианской комиссии / В. В. Гошуляк, Е. В. Портнова // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2020. — Т. 8, № 1 (29). — С. 63–72. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-1-8.

FOR CITATION

Goshulyak V. V., Portnova E. V. The Draft Constitution of the Chechen Republic in the Assessments and Conclusions of the Venice Commission. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 63-72, available at: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307-9525-2020-8-1-8. (In Russian).